

Г. П. СНЕСАРЕВ

БОЛЬШЕСЕМЕЙНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ У ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ХОРЕЗМА

Во время полевых работ 1958 г. Узбекский этнографический отряд Хорезмской экспедиции совершил кольцевой маршрут по территории Хорезмской области УзССР и некоторым районам Туркмении. Изучая верования и обряды населения левобережного Хорезма, отряд обследовал свыше 40 мазаров и кладбищ, произвел фиксацию способов захоронения и различных видов надмогильных сооружений для установления их типологии. Эти исследования проводились в плане подготовки соответствующего раздела «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана».

Собранный материал в значительной своей части может быть картографирован, что позволит сделать ряд обобщающих выводов.

Выявившееся соответствие ряда элементов погребального ритуала и типов надмогильных сооружений определенным территориям и этническим группам поможет решению некоторых этногенетических вопросов. Уже сейчас совершенно отчетливо выявляется зона наземного способа захоронения, генетически связанного с домусульманским, маздеистским ритуалом древних хорезмийцев.

Среди разнообразных памятников погребального культа обращают на себя внимание обнаруженные в ряде районов (Ургенчском, Ханкинском, Багатском, Хазараспском и др.) надмогильные сооружения, резко выделяющиеся на фоне небольших кирпичных и пахсовых могил своими необычайными размерами (рис. 1). Эти сооружения обнаружены на кладбищах узбекского населения, не имеющего родоплеменного деления.

Следует сразу сказать, что сооружения эти не являются мазарами, т. е. усыпальницами «святых» и почетных лиц, всегда и по величине и по архитектуре отличавшихся от рядовых захоронений. Заинтересовавшие нас сооружения — обычные могилы, не связанные с культом святых. Захоронения в них произведены над поверхностью земли, в могильной камере, являющейся своего рода склепом.

Первые надмогильные сооружения этого вида были обнаружены на кладбище Уллы-мулла-баба в 7 км от г. Ургенча по дороге на Ханки. Кладбище расположено около дороги к западу от нее и представляет собой скопление одиночных могил обычного для этих мест типа *сагона* — небольших сводчатых склепов, сложенных из кирпича или комьев глины с внешней обмазкой. Среди них бросаются в глаза несколько надмогильных сооружений огромных размеров. По форме они напоминают сагона. Стены их сложены из двух и более рядов пахсы. Толстые поперечные и продольные деревянные балки, положенные на пахсу, держат перекрытие, сооруженное из жердей, веток, камыша с внешней глиняной обмазкой. Высота не-

которых сооружений достигает 2—2,5 м. Средняя длина — 5—7 м, но попадаются сооружения по 20—25 м. По существу это настоящие дома для умерших. В них можно свободно стоять, не наклоняя головы.

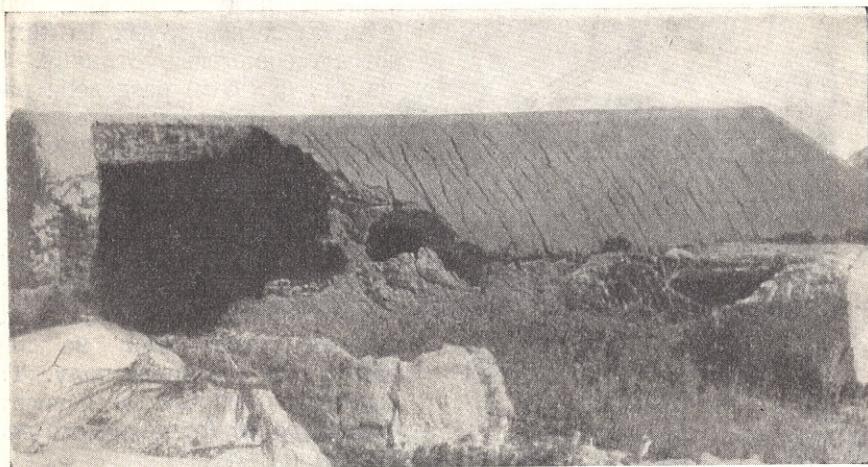

Рис. 1. «Длинная могила» на кладбище Дервиш-баба
Здесь и дальше фото автора

В одном из таких строений, длиною 5,8 м, перекрытие покоится на трех столбах, делящих могильную камеру поперек на два отделения; между столбами идет невысокая паховая стенка с оставленным сбоку проходом из одного отделения в другое. В восточном отделении было обнаружено на поверхности земли четыре черепа и кости многих скелетов. Другое сооружение, протянувшееся в длину на 25 м (часть его разрушена) и по конструкции аналогичное предыдущему, состоит из восьми отделений (рис. 2). Судя по степени сохранности этих сооружений и по словам местных жителей, длинные могилы кладбища Уллы-мулла-баба очень стары.

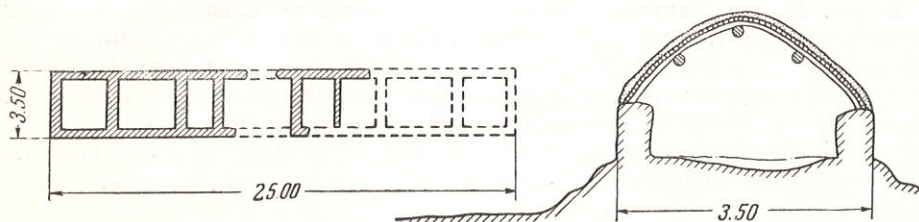

Рис. 2. План и разрез «длинной могилы» на кладбище Уллы-мулла-баба
Здесь и дальше рисунки и чертежи архитектора Ю. В. Стеблюка.

Такие же большие надмогильные сооружения были найдены на кладбище Клыч-ходжа-баба в с. Дургадык Ханкинского района. Здесь три такие могилы (две по 3 м длиной и одна в 7 м) расположены вплотную одна к другой, образуя сплошной массив; две из них имеют общую торцовую стену; проходы между могилами, таким образом, отсутствуют. К этому массиву больших надмогильных сооружений примыкают обычные одиночные могилы типа сагона гораздо лучшей сохранности. Местная жительница

60 лет сообщила, что большие надмогильные сооружения существовали здесь еще в то время, когда она была ребенком.

Весьма интересны «длинные могилы» на кладбище Хызрабад в 10 км от Хазараспа по дороге на Багат. Они похожи по общему виду на уллы-муллинские и дургадыкские, однако

в деталях некоторых из них имеются любопытные отличия. Одна из них (5 × 6 м) разделена на два отделения с особыми входными отверстиями — лазами. Внутри погребальной камеры по всей длине ее торцевой стены через оба отделения проходят своеобразные нары, поднятые на 60 см от земли, сделанные из балок, сучьев, камыша с глиняной обмазкой (рис. 3). Черпа лежат как на нарах, так и на земляном полу. Такие «длинные могилы» здесь носят название *рапча* (от арабского *раф* — полка).

Исключительно своеобразны по своей форме большие надмогильные сооружения, встретившиеся отряду на кладбище Дервиш-баба в 2 км от Багата по дороге на Ханки. Издали эти грандиозные строения своими слегка скошенными на конус торцовыми стенами

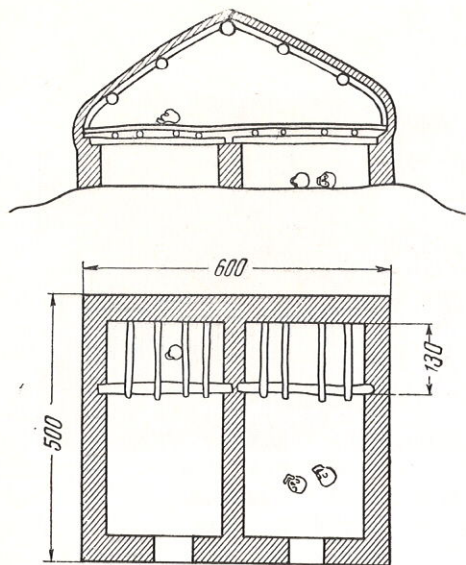

Рис. 3. План и разрез могилы с нарами на кладбище Хызрабад-баба

несколько напоминают пирамиды. Эти могильные сооружения короче «длинных могил» Хызрабада, но значительно выше их (рис. 4). Стены сложены из трех и четырех рядов пахсы, т. е. приближаются к высоте жилого дома. По словам местных жителей, захоронения в них расположены в несколько этажей. На этом же кладбище имеются большие могилы, аналогичные описанным ранее.

В сел. Мадир Ханкинского района «длинные могилы» были обнаружены на кладбище Шейх-Сулейман-баба. Одна из них, с пахсовыми стенами, достигающими в длину 15 м, делится поперек на две половины (рис. 5). По словам информаторов, в правом отделении располагаются мужские захоронения, в левом — женские; каждая половина могильной камеры в свою очередь делится на несколько мелких отделений. И здесь 60-летний шейх кладбища подчеркнул давность этих сооружений, сказав, что они существовали еще до его рождения.

Таких «длинных могил», уже осевших от времени, здесь несколько. Любопытно, что на перекрытии одной из них, полуразрушенной, надстроены две небольшие детские могилы типа сагона (рис. 6).

Все описанные нами большие надгробные сооружения представляют собой места коллективных захоронений и насчитывают уже много десятков лет своего существования.

Интересно, что сами информаторы подчеркивают сходство их с жилыми строениями. И действительно, за исключением перекрытия, которое во всех случаях приближается по форме к своду, конструкцией стен эти строения напоминают дома. Отметим кстати, что другой тип надмогильных сооружений, воздвигаемых и сейчас в южном Хорезме — *нигрик* или

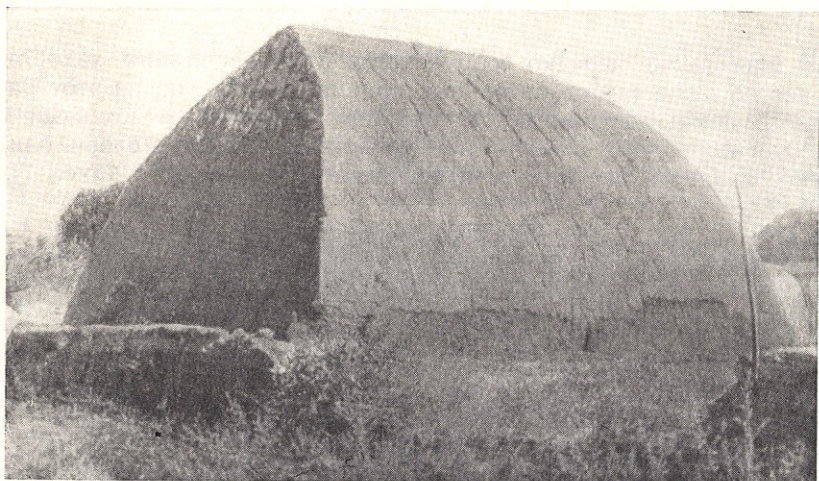

Рис. 4. Высокая могила на кладбище Дервиш-баба

Рис. 5. «Длинная могила» на кладбище Шейх-Сулейман-баба

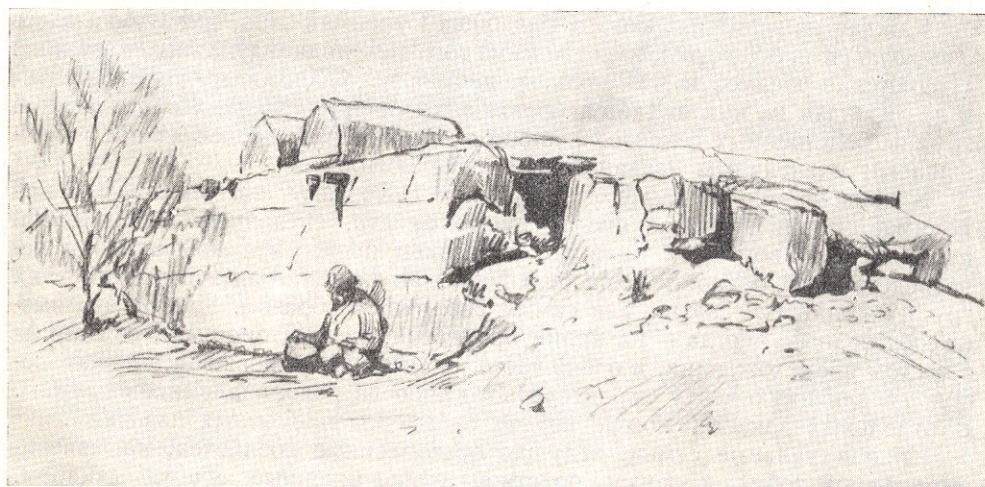

Рис. 6. «Длинная могила» на кладбище Сулейман-баба с новыми захоронениями на перекрытии

чубкори (они также нередко сооружаются для нескольких захоронений) повторяет по существу строительные приемы жилого, но на этот раз уже каркасного дома: деревянный каркас стен заполняется комьями глины (кесак) или кирпичом; снаружи все сооружение покрыто слоем глиняной обмазки с саманом; перекрытие приближается к плоскому (рис. 7).

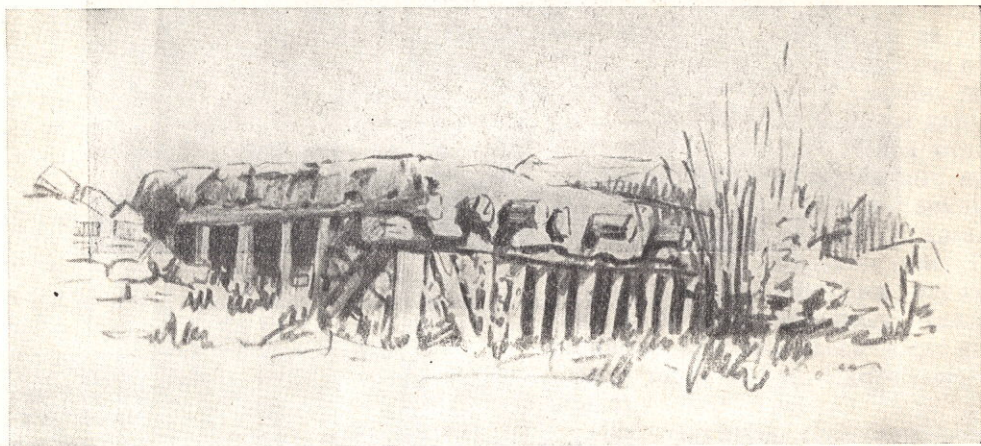

Рис. 7. Могила типа *нигрик* в Хивинском районе

В сооружении больших домов для умерших отчетливо проступают анимистические представления их строителей — желание обеспечить умерших родственников прочным жилищем, напоминающим то, которым они пользовались при жизни.

К решению вопроса о характере коллектива, которому принадлежали подобные дома-могилы, нам удалось подойти в беседах с информаторами сел. Мадир, дополненных опросными сведениями из других мест.

Каждая из «длинных могил» кладбища Сулейман-баба, именуемая здесь *джамоат* (т. е. общество), имеет помимо того свое индивидуальное название: «Таджиклар джамоати», «Черчиляр джамоати», «Каляндарлар джамоати» и др. Каждая из них является местом захоронения умерших определенной группы родственных семей сел. Мадир, объединенной общим *лакабом* (прозвищем), идентичным названию «длинной могилы».

В наше время по всему левобережному Хорезму под термином *лакаб* понимается определенное число семей-хозяйств, связанных между собой кровным родством. Как правило, эти семьи проживают компактно в непосредственной близости одна от другой. Индивидуальные названия этих групп — *лакабы*, — возникали самым различным образом. Иногда это имена собственные, иногда — названия профессий, иногда топонимы, связанные с местом происхождения, и очень часто насмешливые прозвища, определяющие ту или иную черту характера кого-либо из родоначальников группы. В отдельных *лакабах* можно видеть следы родоплеменных названий.

Индивидуальные семьи, ведущие обособленные хозяйства, но связанные между собой кровным родством и объединенные общим *лакабом*, появились в результате разложения большой патриархальной семьи, которая в южном Хорезме являлась основной хозяйственной единицей еще в середине XIX в., а в пережиточных формах сохранялась вплоть до революции. Внутренний строй большой семьи для тех мест Хорезма, где

проводилось наше исследование, описан М. В. Сазоновой¹ и мы касаться его не будем.

Большая семья имела тот же лакаб, который впоследствии, с ее разложением, сохранялся за всей группой дочерних семей. Отдельные, пережиточно сохраняющиеся в наше время большие семьи, также имеют определенный лакаб. Процесс разложения большой семьи хорошо прослеживается на материалах о некоторых гурленских и шаватских лакабах. В Гурлене группа родственных семей, известная под лакабом «Мюшюрюблар», насчитывает сейчас девять обособленных семей-хозяйств. При жизни отца нашего информатора (1878—1929 гг.) «Мюшюрюбов» было всего три хозяйства; при жизни деда информатора (1838—1912 гг.) — два хозяйства; еще раньше, в начале XIX в. — всего одно хозяйство Якуба Мюшюрюб, переселившегося в Гурлен из Хазараспа и получившего свой лакаб по роду занятий: он был сборщик налогов. Якуб Мюшюрюб жил одной большой семьей со своими сыновьями и внуками.

В Шаватском районе информатор Бабаджан-баба 70 лет сообщает о местной группе родственных семей с лакабом «Кокайлар»: «Их раньше было всего одно хозяйство, а сейчас «Кокайларов» уже около 20 хозяйств. Одним хозяйством «Кокайлары» проживали еще до времени моего отца»².

В Шаватском же районе лакабы «Ходжалар», «Юсуп Палван», «Юзбаши» и др. состоят каждый из нескольких семей-хозяйств. «Раньше, — говорит информатор Саид-Амед-баба, — это были большие семьи, так как сыновьям запрещалось отделяться»³.

Возвращаясь к описанным нами «длинным могилам» селения Мадир, необходимо прежде всего отметить строго выполняемое правило захоронения в них умерших по родственному признаку. В каждой такой большой могиле, по словам информаторов, лежат деды, отцы, сыновья, братья, двоюродные братья. Хазараспский информатор Аниаз-баба 85 лет рассказывает: «В таких могилах хоронили по несколько человек, но чужих (бегона) в них не клали, только своих родных»⁴.

Это же подтверждают шейхи мазара Ша-баба (Хазарасп), сообщившие, что в отделения большой могилы (огир) клали только родных между собой людей.

В тех случаях, когда мест в общей могиле уже не хватало, умерших родственников хоронили в одиночных могилах, но обязательно около общей. Характерно, что упомянутые нами детские захоронения на перекрытии надмогильного сооружения Черчиляр-джамоати кладбища Сулейман-баба появились в строгом соответствии с правилом, согласно которому потомки должны покоем рядом с прахом предков.

Принцип захоронения *коумами* — группами родственников, принадлежащих к разным поколениям и восходящих к одному предку, до сих пор распространен в Хорезме. На больших общих кладбищах потомков хоронят в одном ряду (катар) с их предками по отцовской линии. Даже умерших вдали от дома или женщин, выданных замуж на сторону, везут хоронить на то кладбище и в тот коум, где покоятся останки их отцов и дедов.

Однако от современных способов захоронения в индивидуальных могилах, хотя бы и в общем ряду коума, резко отличаются коллективные захоронения в общих погребальных сооружениях, которые характерны для времени расцвета большесемейных отношений.

¹ М. В. С а з о н о в а. К этнографии узбеков южного Хорезма. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I. М., 1952, стр. 247 и далее.

² Полевые записи автора, 1958, № 20.

³ Там же, № 63.

⁴ Там же, № 39.

Подобно тому, как все члены большой семьи имели общее хозяйство, общее жилище и общий котел питания (бир казан), они имели и общий дом-могилу для своих умерших. Датировка обследованных нами погребальных сооружений соответствует времени преобладания большесемейных отношений.

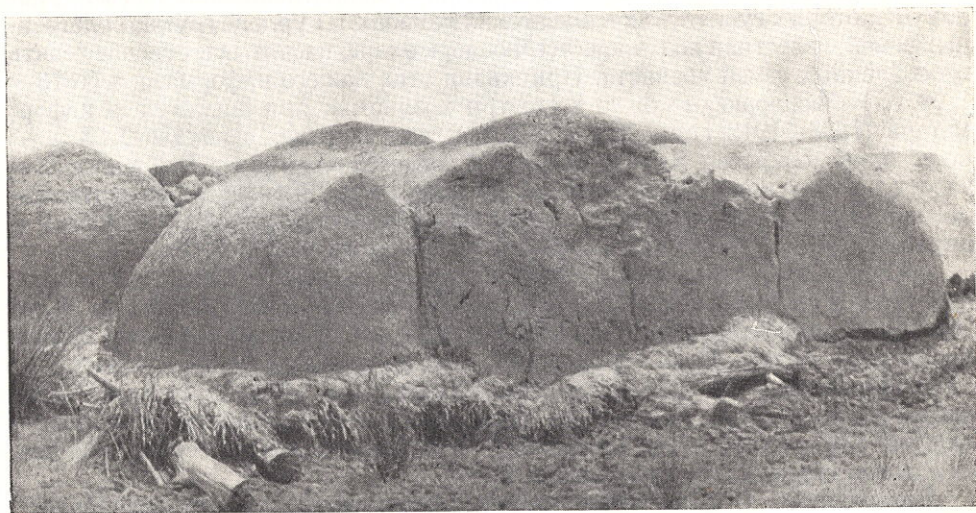

Рис. 8. Группа одиночных захоронений одного *коума* в Шаватском районе

От информаторов старшего поколения получены прямые подтверждения принадлежности «длинных могил» большим семьям. Шаватский информатор Матчан-баба 80 лет сообщает: «Здесь тоже имелись большие могилы, в них клали умерших из больших семей»⁵. На кладбище Дервиш-баба информатор, показавший нам «длинные могилы», рассказал: «Здесь была большая семья, одно хозяйство в 100 человек. Их лакаб — «Тунаклар». У них тоже есть большая общая могила»⁶. То же на вопрос о больших могилах ответил информатор Саид-Амед-баба 75 лет: «Это могила одной семьи, одного авлода (т. е. группы людей, ведущих происхождение от одного предка. — Г. С.)»⁷.

Однако «длинные могилы», описанные нами, не представляют собой, видимо, первоначального варианта подобных сооружений; в их конструкции нашел отражение начавшийся процесс разложения большой семьи. Отсюда дробление общего помещения на отделения индивидуальных семей. По существу тот же процесс происходил и в структуре большесемейного жилища, когда выделение индивидуальных семей приводило к обособлению последних в отдельных комнатах общего помещения.

О более ранних формах погребальных сооружений этого рода можно судить по словам некоторых информаторов, утверждающих, что среди «длинных могил» в прошлом имелись такие, в которых не было мелких отделений и все умершие лежали рядом (катар-катар) в двух половинах сооружения — мужской и женской.

Таким образом, «длинные могилы» представляют собой уже переходный тип, отражающий начавшуюся дифференциацию внутри большой семьи.

⁵ Полевые записи автора, 1958, № 58.

⁶ Полевые записи автора, 1958, № 55.

⁷ Там же, № 63.

На материале погребальных сооружений можно отчетливо проследить и дальнейшие судьбы большой семьи на тех этапах, когда исчезают уже коллективные дома для умерших и господствующим типом становится одиночная индивидуальная могила.

На многих старых кладбищах обращает на себя внимание расположение одиночных могил: последние настолько тесно примыкают одна к другой (хотя это и не вызывается недостатком места), что образуются один

Рис. 9. Современные могилы типа *сагана* в Хивинском районе

сплошной пахсовый массив, растянувшийся на протяжении 15—20 м, в котором с трудом можно выделить контуры отдельных надгробных сооружений (рис. 8). Это могилы одного коума. Здесь уже отсутствует единое погребальное сооружение, однако в расположении одиночных могил момент коллективности захоронений проступает еще довольно четко.

На следующем этапе ряд (катар) еще более дробится. Между одиночными могилами теряется связь. И, наконец, совершенно необычным для прошлого, уже отражающим те изменения в истории семейных отношений, которые происходят на наших глазах, являются парные захоронения в двух отдельных могилах мужа и жены, нарушающие старые традиции, восходящие к родовому началу (рис. 9).

Обнаруженные нами памятники погребального культа, собственно, не могут даже именоваться могилами. Это самостоятельный вид погребальных сооружений. Он не имеет близких аналогий в погребальных сооружениях других народов Средней Азии. На севере Хорезма мы находим большесемейные захоронения, однако в них отсутствует основной элемент, характерный для обследованных нами сооружений, — наличие надземных погребальных камер⁸. Поэтому большой интерес представляет вопрос о генезисе подобных сооружений, отыскании их прототипов в древнем Хорезме и Средней Азии в целом.

⁸ Обратим внимание на то, что сходные с хорезмскими коллективные захоронения в склепах имели место в прошлом у осетин и ингушей, что является, возможно, свидетельством наличия общего аланского слоя в этногенезе этих народов.

Определяющим моментом при отыскании аналогий этому погребальному ритуалу, на наш взгляд, следует считать принцип захоронений над поверхностью земли, корни которого восходят к домусульманскому, маздеистскому погребальному обряду народов Средней Азии с его строго выполняемым запретом захоронения в земле останков человека. Вендидад и позднейшая зороастрийская богословская литература полны указаниями на сакральную нечистоту мертвого тела и об оскверняющем воздействии его на священные стихии, в том числе на землю. Отсюда — наличие своеобразного погребального обряда с оссуарным захоронением костей, с изоляцией останков человека от земли и сооружением особых наземных погребальных камер-наусов для их хранения. Именно в домусульманских погребальных наусах следует, на наш взгляд, видеть отдаленные прототипы наземных погребальных сооружений. Казалось бы маловероятным, чтобы принцип захоронения в наземных погребальных камерах мог сохраниться на протяжении многих столетий господства ислама. Однако полевые этнографические исследования в области верований и обрядов, проводимые на территории Хорезма, говорят о наличии многих пережиточных элементов, непосредственно связанных с доисламскими верованиями, в частности с маздеизмом.

Этому должна быть посвящена специальная работа.

В плане постановки интересующего нас вопроса укажем лишь, что в современных верованиях прослеживается специфическое отношение к мертвому телу и к лицам, связанным с погребальным культом — *улик ювучи* (омывальщикам трупов); еще в недавнем прошлом они составляли особую корпорацию с особыми кварталами в городах, со строгой эндогамией, с изолированными местами захоронений. Положение этой корпорации в обществе весьма напоминало положение лиц, занимавшихся погребениями мертвых в зороастрийской Персии, как об этом свидетельствуют китайские источники⁹.

Погребальная обрядность и связанные с ней верования особенно насыщены элементами архаики¹⁰. Поэтому вполне закономерно для выяснения истоков заинтересовавших нас явлений современного погребального культа обратиться к погребальной обрядности, господствовавшей в Средней Азии до появления ислама.

Маздеистский погребальный культ народов Средней Азии наиболее полно представлен археологическими памятниками — наусами пенджикентского некрополя¹¹. При сравнении наших погребальных сооружений с пенджикентскими наусами некоторые черты сходства невольно обращают на себя внимание, несмотря на временную и территориальную отдаленность, а также на различия в строительной технике.

Основное, что сближает хорезмские надгробные сооружения описанного нами типа с пенджикентскими наусами, это — наличие погребальной камеры, расположенной над поверхностью земли и коллективный принцип захоронений по родственному признаку. Растянувшиеся «в цепочку» семейные усыпальницы Пенджикента весьма напоминают семейные отделения «длинной могилы» (здесь они, правда, объединены общим перекрытием),

⁹ И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М., 1950, стр. 262.

¹⁰ Это видно во многом, вплоть до терминологии. Например, группа участников погребальных церемоний, переносщая труп на кладбище, носит название *суякчи* (буквально — костники). Нам кажется это отражением зороастрийского погребального обряда, при котором церемонии совершались над костными остатками умершего.

¹¹ Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. М. Мончадская. Пенджикентский некрополь. «Труды Таджикской археологической экспедиции», т. II (1948—1950). М.—Л., 1953, стр. 64—98.

которые по размерам полностью соответствуют требованиям, предъявляемым Вендидадом к помещению, воздвигнутому для хранения мертвых останков.

Имеющиеся в восточной стене такой могилы небольшие входные отверстия, точнее лазы, периодически замуровывавшиеся до следующего трупоположения, даже своими размерами аналогичны входным отверстиям пенджикентских наусов.

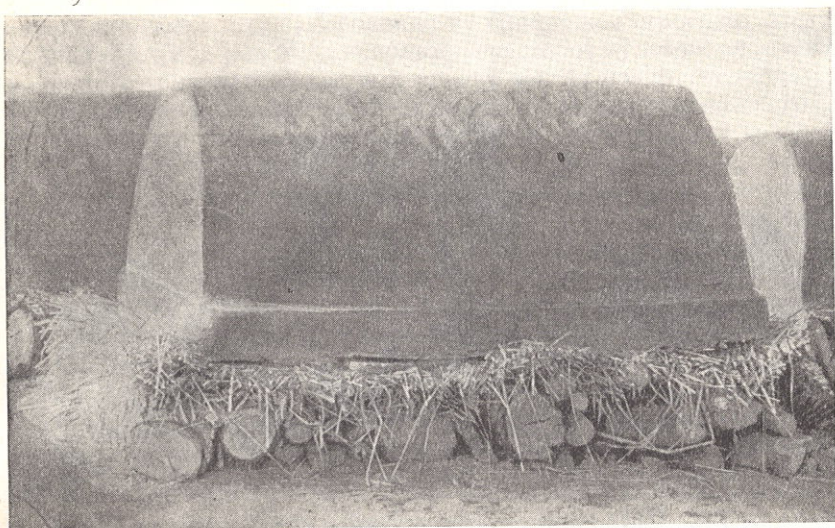

Рис. 10. Склеп-могила на *сазе* в Хазараспском районе

Быть может расположение трупов на нарах, как мы видели это на кладбище Хызрабад, или в несколько этажей, как на кладбище Дервиш-баба, отражает старую зороастрийскую тенденцию изолировать от земли мертвые останки. Отметим, кстати, что в ряде мест (например, в Хиве) в старину труп клали на рассыпанный песок, который, согласно зороастрийским представлениям, является изолирующим веществом¹².

Возможно, древний способ изоляции трупа от земли нашел свое отражение в той тщательности, с которой при сооружении надземного склепа, одиночного или коллективного, в левобережном Хорезме делают *саз* — площадку для захоронения. В некоторых местах *саз* делается из пахсы или кирпича, в других (например, Гурлен, Шават) — из толстых горизонтально положенных бревен с обязательной прослойкой из камыша (рис. 10).

В связи с этим необходимо отметить, что повсеместно распространенное объяснение причин захоронений над поверхностью земли наличием *изгар* — сырости, как это неоднократно нами проверялось, не выдерживает критики. Сплошь и рядом именно при сыром грунте господствует ямный способ захоронения (например, в Питняке), а на возвышенных сухих местах — надземный (например, в Хиве и других местах). Несостоятельность подобных объяснений доказывается также тем, что в ряде мест захоронение умершего над поверхностью земли считается обязательным и почетным. Предать тело

¹² Об изоляции трупа от земли см. Б. Я. Ставский. К вопросу об идеологии домусульманского Согда. «Сообщения республиканского историко-краеведческого музея Тадж. ССР», вып. 1. Сталинабад, 1952, стр. 50—51.

земле здесь, несмотря на все мусульманские установления, считается проявлением неуважения к покойному. Отметим, что в старину, там, где преобладал надземный способ захоронений, в землю клали лишь безродных и бедняков.

Для пенджикентских наусов характерно сводчатое перекрытие. Возможно, что упорная тенденция приблизиться к форме сводчатого перекрытия, наблюдаемая при сооружении различных видов современных погребальных

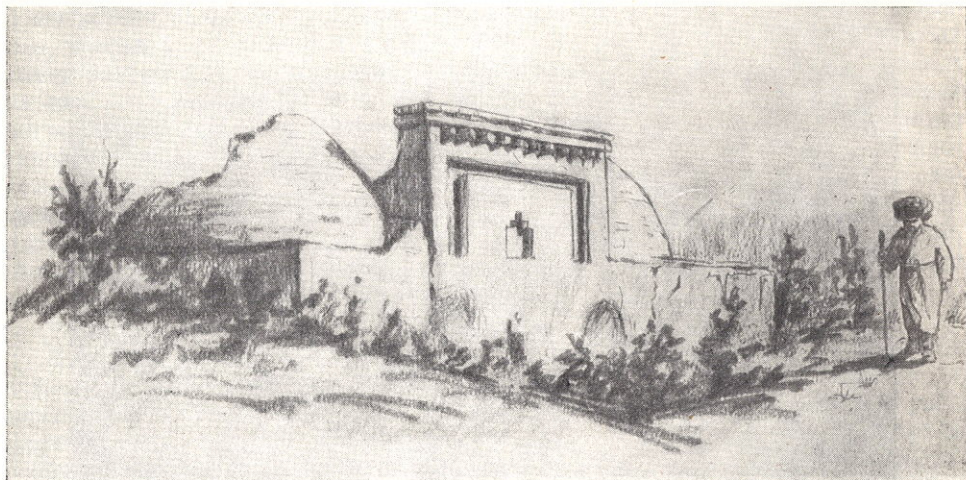

Рис. 11. Могила типа *кош-гумбаз* в Хазараспском районе

сооружений, является пережитком старых архитектурных приемов погребального зодчества. Эта тенденция хорошо видна и на примере наших «длинных могил», хотя материал (деревянные балки, сучья, камыш и пр.) как будто бы подсказывает более простую и удобную для строительства плоскую форму перекрытия. Нам кажется, что форма сводчатой могилы сагона, локализация которой связана в основном с территорией распространения в прошлом маздеистского погребального культа, восходит к наусам типа пенджикентских; сагона в общих чертах повторяют план, оформление стен и свода последних.

Для истории погребального зодчества Средней Азии представляют интерес и другого рода надмогильные сооружения южного Хорезма, в частности могилы, называемые *гумбаз* или чаще *кош-гумбаз* — небольшие кирпичные строения, четырехугольные в плане, с низкими стенами, купольным сводом, одним или двумя (над двумя половинами помещения, отсюда название — *кош-гумбаз*), и с миниатюрным порталом без входного отверстия: отверстия-лазы находятся в стене строения (рис. 11). Захоронения и в них производятся над поверхностью земли.

Могилы типа *гумбаз* также относятся к разряду обычных, рядовых могил и часто служат местом коллективных захоронений, как, например, *гумбаз* Ходжалар в сел Мадир. Любопытно, что, по словам информаторов, детские захоронения в них иногда располагаются на внутреннем выступе стен, служащем своего рода суфой. Это наводит опять на мысль об аналогии с суфами пенджикентских наусов, на которые ставились оссуарии.

Могилы *кош-гумбаз*, сложенные из жженного кирпича (26 × 26 см), по словам местных жителей, принадлежали людям состоятельным. Эти

сооружения являются как бы миниатюрными повторениями больших купольных мазаров. Развились ли последние из этой формы рядовых могил или, наоборот, могилы гумбаз строились в подражание мазарам — пока неясно.

Труположение над поверхностью земли обнаружено Е. Е. Неразик при раскопках так называемого «замка № 50» в Беркуткалинском оазисе — небольшого купольного сооружения афригидского времени, которое Е. Е. Неразик считает сооружением культового характера¹³.

То обстоятельство, что захоронения не синхронны строению, заставляет предполагать, что для них было использовано старое культовое сооружение, возможно наус (при раскопках был обнаружен фрагмент оссуария).

Авторы, опубликовавшие результаты раскопок пенджикентского некрополя¹⁴, совершенно справедливо указывают на существование связи между обычаем, распространенным в мусульманской Средней Азии, воздвигать мавзолеи над могилами почетных лиц с домусульманским погребальным культом.

Нам кажется, что хорезмские дома для умерших большой семьи — наши «длинные могилы», сохранившие архаические черты благодаря тому, что «на всем протяжении истории феодального Хорезма большесемейная домовая община остается реликтом первобытно-общинного строя»¹⁵, являются более ярким примером продолжения домусульманской погребальной традиции, нежели мазары, которые в большинстве своем соответствуют принципу ямного захоронения и очень сильно, за исключением связанных с ними культовых действий, подверглись влиянию ислама.

¹³ Е. Е. Неразик. Работы в Беркуткалинском оазисе в 1953—1956 гг. «Материалы и исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 4 (печатается).

¹⁴ См. Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Указ. соч., стр. 64.

¹⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 164.

Наконец, можно рассчитывать, что агроэтнографические карты атласа позволят выяснить существенные моменты истории экономических, культурных и этнических связей и взаимовлияний народов региона. Помимо общеисторического и историко-культурного значения, эти новые данные помогут с большей объективностью рассмотреть применительно к Средней Азии и Казахстану интересный и пока еще тоже дискуссионный вопрос, занимающий в настоящее время исследователей агроэтнографии: о наличии или отсутствии элементов этнической специфики в технике и технологии сельского хозяйства; имеет ли значение этнографическое изучение хозяйства народов для решения этнических проблем и т. д. Дискуссия по этой теме, которая развернулась на страницах журнала «Советская этнография» в 1967—1968 гг., может быть завершена⁸ только картографическим анализом этих проблем в различных регионах, в том числе и в Средней Азии.

Г. П. СНЕСАРЕВ

ОПЫТ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЧЕТАНИИ С КАРТОГРАФИРОВАНИЕМ ЭТНИЧЕСКИМ И ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИМ

В настоящее время для решения ряда актуальных этнографических проблем, прежде всего связанных с вопросами этногенеза, все чаще используется метод картографирования различного рода этнографических элементов и комплексов и особенно явлений и форм материальной культуры. В меньшей степени он применяется в области духовной культуры, в частности при изучении вопросов, связанных с религиозными верованиями и культом, хотя и в этой области он несомненно весьма перспективен. Подобный метод обработки и экспозиции фактического материала помогает не только ориентироваться в этногенетических вопросах, но и вырабатывать достоверные представления о процессе исторического развития отдельных явлений религии и культа. Вопросу использования метода картографирования в этой области и посвящена данная статья.

В ходе полевых этнографических работ, проведенных Узбекским этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции (1954—

⁸ См. статьи участников дискуссии: Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков. Некоторые вопросы агроэтнографических исследований. — СЭ, 1967, № 1; Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов. Некоторые проблемы агроэтнографии (на примере народов Юго-Восточной Азии). — СЭ, 1967, № 3; Л. М. Сабурова. По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований». — СЭ, 1967, № 6; А. А. Шенников. Распространение животноводческих построек у народов Европейской России (к дискуссии об агроэтнографии). — СЭ, 1968, № 6.

1959, 1961, 1966 и 1968 гг.) на территории Хорезмской области УзССР и примыкающих к ней районов Каракалпакии и Туркмении (узбекское население), было обращено внимание на некоторые особенности похоронного ритуала, бытующего среди местного населения.

Способ захоронения умерших на исследуемой территории представлен двумя контрастными вариантами — подземным (труположение в грунтовых шурфах) и наземным (труположение в разного рода сооружениях типа склепов).

Уже наличие двух столь различных вариантов на сравнительно небольшой территории заставляет предполагать действие какой-то закономерности. На эту мысль наводило и то обстоятельство, что на исследованной территории довольно четко вырисовываются и определенные зоны распространения подземных и наземных способов захоронения.

Объяснения наших информаторов были стереотипны; два варианта способа захоронения они связывали с высоким и низким уровнем стояния грунтовых вод. Уже тогда это казалось сомнительным, так как личные наблюдения давали иную картину. Кроме того, в ряде мест оазиса, там, где господствует способ труположения в наземных склепах, были получены объяснения совсем иного порядка. Они сводились к тому, что захоронения в наземных склепах — древняя традиция, нарушение которой всегда каралось общественным мнением; что «похоронить своего отца в земле» считалось позорным; что в этих местах в земляных ямах хоронили только «бегона», т. е. чужаков, безродных.

Все это в свете уже накопленных материалов по религиозным верованиям населения Хорезмского оазиса, давших немало примеров сохранения домусульманских традиций, заставило провести специальные маршрутные поиски и тщательную фиксацию способов захоронения на обнаруженных кладбищах.

В результате полевых исследований, охвативших территорию Хорезмской области и частично соседних республик, стало очевидным, что внести ясность в вопрос о предполагаемых закономерностях, заложенных в топографии интересующих нас способов захоронения, может лишь их картографирование.

Накопленный полевой материал охватил более 70 кладбищ и лег в основу предлагаемой нами карты. Он был частично проверен данными полевого архива Ю. В. Кнорозова (1946—1947 гг.), которые позволили дополнить карту несколькими новыми пунктами.

Сначала предполагалось осуществить картографирование только на территории Хорезмской области УзССР, где преимущественно проводились специальные исследования, однако впоследствии стало возможным несколько расширить его пределы за счет территории Каракалпакии и некоторых соседних районов Туркмении. Материалы для этого дали маршрутные поездки автора по правому берегу Амударьи, выезды в окрестности Тохта — Ташауза и работы в Ходжейли и Куня-Ургенче. Помимо

этого был привлечен материал, собранный в Каракалпакии Х. Есбергеновым,¹ что дало дополнительно около 20 пунктов.

Таким образом, удалось добыть материал почти со ста кладбищ; условными знаками охвачена довольно равномерно вся территория низовьев Амударьи. В дальнейшем, по мере поступления новых данных, мы получим возможность заполнить имеющиеся сейчас «белые пятна».

Однако и в настоящем своем виде карта способов захоронения дает право сделать некоторые выводы.

1. Картографирование полностью подтвердило наш предварительный вывод, сделанный на основании бесед с информаторами, о несостоятельности объяснения наличия двух способов захоронения (наземного и подземного) состоянием грунтовых вод. Расстановка условных знаков, соответствующих подземному способу захоронения, на территории низовьев Аму-Дарьи полностью опровергает это объяснение. Вся дельта реки — область почти сплошного распространения подземного способа захоронения, хотя уровень подпочвенных вод здесь особенно высок. И, наоборот, в юго-восточной части оазиса в головах каналов и по их верхнему течению, т. е. в местах более возвышенных, почти полностью господствует наземный способ захоронения. Это же наблюдается, например, в Хиве (Ичан-кала) и в других местах, где кладбища расположены довольно высоко на старых городищах или на холмах.

Несостоятельность ссылки на уровень грунтовых вод доказывается также наличием кладбищ, на которых обнаружены оба способа захоронения, подтверждающие, что причина различий в труположении не связана с особенностями грунта.

2. В результате картографирования стало очевидным, что способ захоронения в его двух вариантах тесно связан с этническим составом населения исследуемой территории. Севернее линии Ташауз—Гурлен—Бий-базар мы видим явное преобладание подземного способа захоронения. Особенно четко это проявляется в самой дельте, заселенной каракалпаками, частично узбеками и казахами; здесь подземный способ захоронения — массовое явление. Далее к югу он продолжает господствовать у всех туркмен хорезмских районов Туркмении и у большинства узбеков, живущих в этой зоне (узбеки Куня-Ургенча и Ходжейли), у каракалпаков окрестностей Ходжейли и Нукуса, у узбеков, проживающих в районе Кыпчака и Мангита, у всех казахов этой зоны и на правом берегу Амударьи от Нукуса до оз. Ходжакуль и гор Султан-Уиз-дага.

На самом крайнем юго-востоке исследуемой территории в Питнякской луке подземный способ захоронения вновь обнаруживается у здешних казахов, туркмен и узбеков.

¹ Х. Есбергенов. К вопросу об изживании религиозных представлений и обрядов у каракалпаков. Канд. дисс. М., 1963.

Весь юго-восток оазиса — почти всю территорию Хорезмской области УзССР, заселенную узбеками, занимает зона наземных способов захоронения с труположением в разного рода склепах. Наземные захоронения в этой зоне господствуют среди узбекского населения окрестностей основных пунктов Хорезмской области — Ургенча, Хивы, Ханки, Янги-Арыка, Багата и Хазараспа (за исключением Гурлена, Шавата и Газавата). Севернее этой зоны, на территории, заселенной также узбеками, тянется полоса, где наряду с наземными способами захоронения имеются и захоронения в грунте.

3. Наиболее существенным в этногенетическом аспекте и окончательно вскрывающим причины существования в Хорезме двух вариантов способа захоронения является третий вывод, который вытекает из картографирования интересующего нас объекта. Он заключается в том, что только у узбеков, заселяющих низовья Амударьи, мы встречаем оба варианта способа захоронения, но и здесь обнаруживается определенная закономерность связи того или иного варианта с этногенезом и этнической историей данного народа. Захоронения на поверхности земли в сооружениях типа склепов характерны лишь для той части хорезмских узбеков, которые не знали или не помнили родоплеменных делений, до недавнего времени имели самоназвание «сарт» и рассматриваются исследователями как наиболее прямые потомки аборигенного населения Хорезмского оазиса. Эта этнографическая группа хотя и сформировалась в результате ранней во времени тюркизации, сохранила на протяжении всего средневековья многие особенности материальной и духовной культуры. Именно те места оазиса, где на нашей карте наиболее густо представлены условные обозначения захоронений над поверхностью земли, — это территории наиболее компактного и давнего проживания узбеков группы «сарт».

Подземный способ захоронения характерен для тех групп узбеков, которые являются потомками более поздних (XVI—XVII вв.) переселенцев из Дешти-Кипчака, имели или сохраняли воспоминание о своей родоплеменной принадлежности (найман, уйгур, дурман, мангит, кипчак, канглы и др.) и в начале столетия еще не утратили некоторых особенностей кочевого и полукочевого быта.

Чтобы это положение о соответствии способов захоронения двум различным по своему генезису компонентам в составе хорезмских узбеков проиллюстрировать более наглядно, мы совмещаем карту способов захоронения со схематической картой расселения на территории низовьев Аму-Дарьи узбекских племен, каковые еще можно было проследить в конце XIX—начале XX столетия.

Это совмещение карт подтверждает, что узбеки, сохранявшие родоплеменные деления, придерживающиеся подземного способа захоронения, расселились, согласно историческим источникам,

в XVI—XVII вв. на севере территории и продвигались постепенно на юго-восток, понемногу теряли этот способ захоронения несомненно под влиянием населения юго-востока — потомков аборигенов оазиса. Если в районе Куны-Ургенча и Ходжейли, куда найманы, уйгуры и другие племена узбеков прежде всего проникли из Дешти-Кипчака, подземный способ захоронения надолго укрепился, то далее к юго-востоку он теряет свою силу. В районе Мангита и Кипчака он преобладает, но уже по линии Гурлен—Амбар-Монак начинается широкая полоса смешанных захоронений, подземный способ здесь соседствует на одних и тех же кладбищах с надземным. На территории этой полосы живут и родоплеменные узбеки и сарты. К юго-востоку от нее сарты и узбеки, давно утерявшие родоплеменные деления, преобладают; здесь господствует наземный способ захоронения.

Связь между способом захоронения и двумя этническими компонентами в составе узбекского этноса, отраженная в наличии двух зон, выявленных при картографировании объекта, становится еще более убедительной, если обратиться к особенностям языка хорезмских узбеков.

Для этой цели мы используем диалектологическую карту Хорезма, составленную Ф. А. Абдуллаевым и опубликованную им в монографии «Фонетика хорезмских говоров» (Ташкент, 1967). Карта сугубо схематичная, охватывает только территорию Хорезмской области, но для нашей цели достаточно показательна.

Совмещение диалектологической карты с картой расселения узбекских племен и групп, а также с картой распространения двух вариантов способа захоронения дает интересный результат, — а именно совпадение языковых зон с зонами этническими (племенными) и ареалами двух способов захоронения.

Северо-западная зона характеризуется почти полным преобладанием кипчакского наречия хорезмско-узбекского языка. Здесь преимущественно живут узбеки, сохранявшие родоплеменные деления (мангиты, найманы, кипчаки, канглы и др.). У узбекского населения распространен подземный способ захоронения.

Юго-восточная зона является сплошной зоной огузского наречия хорезмско-узбекского языка (два говора — хивинско-ургенчский и янгиарыкско-хазараспский), где преимущественно расселены узбеки, не знавшие (или не помнившие) родоплеменных делений, главным образом сарты. В этой зоне явно преобладает наземный (склепный) способ захоронения.

Конечно, в зональном распределении интересующих нас явлений (племенных, языковых и способов захоронений) имеется ряд исключений, однако и они не противоречат, а, наоборот, подтверждают в конечном итоге выявленную нами закономерность. Остановимся на них.

В юго-восточной зоне сплошного распространения надземного способа захоронения мы выделяем особым знаком места, где при

существующем сейчас наземном способе захоронения у населения сохранились воспоминания о том, что в далеком прошлом у них бытовали захоронения в грунте.

Это как будто несколько противоречит нашему выводу. Чтобы все стало ясным, обратимся к этнической карте. Данные, сообщенные информаторами, относятся к найманам (вблизи Ургенча), киятам (также окрестности Ургенча), тама, мисит, алчиным (окрестности Ханки), найманам и нукусам («Беш-Арык», окрестности Багата), т. е. к тем северохорезмским этнографическим группам узбеков, которые сохраняли свои родоплеменные деления и в силу ряда обстоятельств были частично переселены (или переселялись) на юго-восток оазиса в зону сартов, что исторически засвидетельствовано. В языковом отношении эти родоплеменные вкрапления в основной сартовской среде с огузским наречием хорезмско-узбекского языка отличает особый, смешанный, кипчакско-огузский говор. Итак, смена некогда присущего этим группам (как и всем северохорезмским племенам) подземного способа захоронения наземным может быть объяснена длительными культурными влияниями преобладающего в этих местах сартовского населения.

Наличие обоих типов захоронения на одних и тех же кладбищах или расположенных по соседству одно от другого, тоже не противоречит нашему выводу. Оно встречается главным образом в группе кладбищ, лежащих довольно широкой полосой вблизи границ выявленных нами зон — юго-восточной и северо-западной, идущей от Бий-Базара на правом берегу через Гурлен, район Шавата и Амбар-Монака к границе Хорезмской области и Туркмении между Газаватом и Тохта.

Эта полоса смешанных захоронений вполне закономерна, так как она охватывает территории, пестрые в этническом отношении. Здесь имеется и сартовское население, и родоплеменные узбеки — найманы, уйгуры, нукусы, кияты, кипчаки, джалаиры и др. Смешанные захоронения, таким образом, являются результатом такой этнической пестроты. Заметим, что в этих же местах на диалектологической карте Ф. А. Абдуллаева мы находим на фоне двух крупных наречий — и кипчакского и огузского — носителей разных говоров — огузско-кипчакского, кипчакского джикающего, кипчакского экающего, смешанного кипчакско-огузского, т. е. и в языковом отношении проявляется та же пестрота, которая обуславливает и смешение в способах захоронения.

На некоторых кладбищах смешение этих способов вызвано иными причинами. В крае имеется несколько популярных мазаров — усыпальниц «святых», слава о которых распространялась на весь Хорезм. Из разных мест оазиса сюда ехали паломники, иногда из весьма отдаленных мест. На кладбища при этих мазарах привозили умерших для захоронения, что также способствовало смешению здесь обоих способов захоронения.

Суммируя все сказанное выше, можно констатировать, что в результате даже регионального картографирования и на ограниченной территории возникает и получает предварительное решение ряд существенных вопросов. Основной вывод нашего анализа — это весьма стойкая зависимость способа захоронения от этнического состава населения исследуемой территории, от этногенеза его компонентов.

Это подводит нас к вопросу об исторических истоках способа трюпоположения выше поверхности земли в сооружениях типа склепов. Результаты проведенного картографирования подтверждают связь наземного способа захоронения с этническими слоями населения, которые уходят своими корнями в домусульманское прошлое этого края. Это лишний раз убеждает в том, что наземный способ захоронения в сооружениях типа склепов, столь нехарактерный для мусульманского Востока, ведет свое начало от погребального ритуала древности, находившего свое обоснование в концепции сакрального характера четырех стихий и ритуальной нечистоты всего мертвого.²

Картографирование двух вариантов способа захоронения, осуществленное для низовьев Амударьи, должно быть продолжено на более широкой территории Узбекистана, Таджикистана, Туркмении. Можно ожидать, что оно в сочетании с картографированием других элементов культуры позволит выявить те этнографические группы в составе населения (а может быть и их миграцию), которые по генезису ближе всего древнему аборигенному населению среднеазиатских оазисов.

Во всяком случае опыт картографирования одного из элементов духовной культуры дает право утверждать, что для среднеазиатского региона способ захоронения в комплексе других элементов культуры следует рассматривать как один из стойких этнических признаков.

Ю. В. МАРЕТИН

К ПРОБЛЕМЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА

(на примере Индонезийской
историко-культурной области)

Всестороннее изучение культуры и быта народов неизбежно подводит исследователя к необходимости как синхронического анализа имеющихся фактов, так и их диахронического (стадиального) осмысления. Применение комплексного подхода и современных методов исследования становится особенно очевид-

² Эта мысль была подробно изложена и аргументирована автором этих строк в монографии «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма» (М., 1969, гл. III).